16+

ВЕРТЕП

роман

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ЖАРКОВ

МОСКВА · 2026

18+

Александр Жарков
Вертеп

https://litres.ru/74904134
SelfPub; 2026

Аннотация

В ночь на Рождество московская актриса Надя Орлова приезжает играть вертеп в загородный дом, где умирает девятилетняя девочка. Хозяин купил старинный ящик с куклами, который, по преданию, умеет спасать детей. В ящике двенадцать фигур и одна лишняя — девочка в белой шали, которой нет в сценарии.

Тот, кто назовёт её по имени, займёт её место. Тот, кого она коснётся, будет жить.

Надя не верит в чудеса. Она не знает, что двадцать четыре года назад её отец уже назвал эту куклу — и умер на Рождество, чтобы она выжила. Теперь её ждут в этом доме. И у неё есть одна ночь, чтобы понять, кто на самом деле платит за чужие жизни.

Содержание

Часть первая. Верхняя сцена 5
Глава 1. Вызов 6
Глава 2. Дом 16
Глава 3. Верхняя сцена 24
Глава 4. Тринадцатая 32
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Александр Жарков
Вертеп

Ирод, увидев, что осмеян мудрецами, разгневался и послал убить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже.

Евангелие от Матфея, 2:16

Часть первая. Верхняя сцена

До полуночи вертеп — театр. После полуночи — дом.
Из тетради Лазаря Гурвича

Глава 1. Вызов

Утром шестого января театр «Третий звонок» не работает. В нём холодно, как в вагоне без отопления, и пахнет пылью, старым бархатом и кофе, который Гриша варит в турке на электрической плитке, хотя плитку давно запрещено включать.

Надя приходит первой. Она всегда приходит первой. Это привычка из детства: если ты первый, никто не заметит, что ты боишься.

В зале горит одна лампа. Свет достаёт до третьего ряда, дальше — темнота, в которой угадываются силуэты кресел. На сцене стоит декорация из прошлого спектакля: деревянная карусель с облупившимися лошадьми. У одной лошади нет головы, и обрубок повёрнут в сторону кулис, как будто она хочет уйти.

Надя ставит сумку на кресло. Снимает шапку. Снег на её волосах тает и капает на пол.

— Гриша, — говорит она в темноту. — Я пришла. Можешь не прятаться.

За кулисами что-то падает. Потом слышится голос:

— Я не прячусь. Я ищу удлинитель.

Гриша выходит на сцену. Он в пальто, потому что в кабинете холоднее, чем на улице. В руках — моток провода, похожий на дохлую змею.

— Ты одна? — спрашивает он.

— Всегда.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Она садится в первое кресло. Откидывается. Кресло скрипит. Надя смотрит на потолок, где висит металлическая ферма с прожекторами. Один прожектор погас. Второй мигает.

— Слушай, — говорит Гриша. — Есть работа.

— В январе?

— В ночь на Рождество.

Надя поворачивает голову.

— Ты шутишь.

— Я никогда не шучу про деньги.

Он подходит ближе. Садится на край сцены, свесив ноги. Так он делает, когда собирается говорить неприятное. Надя знает эту позу. В прошлый раз он так сидел, когда объявил, что театр закрывают.

— Частный заказ, — говорит Гриша. — Загородный дом. Один вечер. Рождественский вертеп. Настоящий, старый, с механизмом. Хозяин хочет спектакль для дочери.

— Для дочери?

— Ей девять. Она больна. Говорят, это её последнее Рождество.

Надя молчит. В темноте зала что-то щёлкает. Потом снова тишина.

— Сколько? — спрашивает она.

— Тридцать тысяч.

— За вечер?

— За человека. Тридцать тысяч каждому.

Надя считает в уме. Тридцать тысяч — это два месяца аренды. Или долг за стоматолога. Или билет до Тбилиси, куда её зовёт подруга, которая нашла работу в театре с нормальной зарплатой.

— Кто хозяин?

— Аркадий Савельев. Слышала?

— Нет.

— Коллекционер. Деньги из девяностых, но сейчас приличный. Купил старый дом под Звенигородом, восстановил. Говорят, у него в подвале целая галерея.

— А вертеп откуда?

— Из Европы. Купил на аукционе. Говорит, восемнадцатый век. Может, врёт. Мне какое дело.

Гриша пожимает плечами. Провод в его руках шевелится, как живой.

— Мы играем верхнюю сцену, — продолжает он. — Рождество. Ангелы. Пастухи. Потом нижнюю. Ирод. Смерть. Всё как положено. Надя, это не сложно. Мы репетировали вертеп в институте.

— Я не играла вертеп.

— Играла. В третьем акте «Ревизора» ты держала звезду.

— Это была не звезда. Это был фонарь.

— Тем лучше.

Он улыбается. Улыбка у него виноватая, как у человека, который уже взял деньги и теперь ищет оправдание.

— Кто ещё? — спрашивает Надя.

— Марк. Алина. Костя. Я. Пять человек. Хозяин сказал, труппа должна быть маленькой.

— Почему?

— Не знаю. Может, чтобы не объедать.

Надя встаёт. Проходит к сцене. Поднимается по боковой лестнице. Садится рядом с Гришей. Сцена под ними холодная, как камень.

— Шестого января я не работаю, — говорит она.

Гриша не спрашивает почему. Он знает. Все в театре знают. В этот день Надя не отвечает на звонки, не выходит из дома до вечера и всегда носит с собой одну и ту же фотографию во внутреннем кармане — маленькую, чёрно-белую, где её отец смеётся над чем-то за кадром.

— Я знаю, — говорит Гриша. — Но это ночь с шестого на седьмое. Ты успеешь.

— Успею что?

— Съездить на кладбище. Вернуться. Отработать. Это один вечер, Надя. Один.

Она смотрит на карусель. Лошади с облупленными боками. Одна лошадь без головы. В детстве Надя думала, что безголовая лошадь — это про неё.

— Тридцать тысяч, — говорит она.

— Тридцать.

— И ты больше не будешь просить у меня денег до весны.

— Не буду.

— И ты отдашь мне долг за «Чайку».

— Какой долг?

— Ты знаешь какой.

Гриша вздыхает.

— Отдам. Всё отдам. Надя, если мы не возьмём этот заказ, в феврале мы закроемся. Я не шучу. Хозяин уже приходил смотреть помещение. Он хочет здесь ресторан.

Надя смотрит на него. Гриша не врёт. Он многих обманывал, но не в этом. В его глазах стоит тот же страх, что и у неё: театр — это единственное место, где они умеют быть собой.

— Хорошо, — говорит она. — Я поеду.

Гриша выдыхает. Провод падает на пол. Змея оказывается мёртвой.

— Спасибо, — говорит он. — Правда.

— Не благодари. Пришли адрес.

Она спускается со сцены. Забирает сумку. Уже у двери оборачивается.

— Гриша.

— Да?

— Почему он попросил именно нас?

Гриша пожимает плечами.

— Сказал, что видел наш «Вишнёвый сад». Ему понравилось, как мы умираем.

Надя выходит на улицу. Мороз бьёт в лицо. Москва стоит

в снегу, белая и тихая, как декорация. На перекрёстке дворник в оранжевой куртке посыпает тротуар песком. Песок ложится на снег, как строчки нот.

Она идёт к метро. По дороге достаёт телефон. Восемь пропущенных от матери. Две смс. Одна от Гриши: «В 15:00 у входа. Не опаздывай». Вторая — от неизвестного номера:

«Здравствуйте, Надежда. Аркадий Львович просил передать: в доме нельзя фотографировать. И после полуночи играть не нужно. Спасибо».

Надя останавливается. Перечитывает. «После полуночи играть не нужно». Странная формулировка. Не «нельзя». Не «запрещено». «Не нужно». Как будто вертеп может играть сам.

Она набирает номер. Гудки. Длинные, тяжёлые. Потом женский голос:

— Слушаю.

— Здравствуйте. Это Надя Орлова. Мне пришло сообщение.

— Да, — говорит женщина. — Это я. Полина. Я помогаю по дому.

— Что значит «после полуночи играть не нужно»?

Пауза. В трубке слышно, как потрескивает огонь. Наверное, камин.

— Это не мои слова, — говорит Полина. — Это правило дома.

— Чьего дома?

— Дома, в который вы едете.

— А если мы будем играть после полуночи?

Полина молчит так долго, что Надя думает, что связь прервалась.

— Тогда он будет играть вас, — говорит она и кладёт трубку.

Надя смотрит на телефон. Экран гаснет. В чёрном стекле отражается её лицо — бледное, с прикушенной губой.

Она идёт дальше. У метро покупает кофе. Пьёт стоя, у урны. Снег падает в стакан. Она не замечает.

В половине второго она выходит на кладбище в Митине. Здесь тихо. Снег лежит на ветках так густо, что деревья кажутся белыми свечами. Надя идёт по главной аллее, потом сворачивает налево. Могила отца в конце ряда. Простая плита. Фотография под стеклом. На фото мужчина в очках, с ямочкой на щеке. Он смотрит чуть в сторону, как будто кто-то позвал его по имени.

Надя кладёт на плиту ветку ели. Садится на корточки. Снег забивается в ботинки.

— Привет, — говорит она. — Я опять на работу.

Она не говорит «с Рождеством». Они никогда не говорили этого. Отец умер в ночь на седьмое января, и с тех пор этот праздник для неё — просто дата в календаре, отмеченная чёрным.

— Мне предложили вертеп, — говорит она. — Старый. С куклами. Помнишь, ты делал кукол?

Она замолкает. Конечно, помнит. В детстве у неё была деревянная кукла с подвижными руками. Отец вырезал её из липы. Кукла пахла деревом и льняным маслом. Надя спала с ней до восьми лет, пока мать не сказала, что пора взрослеть. Кукла исчезла. Надя так и не узнала, куда.

— Я не хочу туда ехать, — говорит она. — Но театр закрывают.

Ветер проходит по кладбищу. Снег с ветки падает ей на плечо. Надя поднимает голову. На соседней могиле сидит ворона. Она смотрит на Надю одним глазом, потом отворачивается.

— Ладно, — говорит Надя. — Я поеду.

Она встаёт. Отряхивает колени. Уходит, не оборачиваясь.

Дома она собирает сумку. Чёрное платье. Тёплые колготки. Термос. Лекарство от головы. Маленькая фотография отца — во внутренний карман. Она стоит на кухне, пьёт чай и смотрит в окно. За окном — двор, качели, машины под снегом. В соседнем доме горит ёлка. Люди ходят по комнате с тарелками. Кто-то смеётся.

Надя задёргивает штору.

В 14:40 она выходит. У подъезда её ждёт чёрный микроавтобус. За рулём — водитель в чёрной куртке, лица не видно. Гриша машет ей из окна. Марк сидит сзади, в наушниках. Алина красит губы, глядя в телефон. Костя держит на коленях деревянный ящик с инструментами.

Надя садится рядом с Костей.

— Привет, — говорит он. — Ты взяла тёплое?

— Взяла.

— Хорошо. В том доме холодно.

— Ты там был?

Костя не отвечает. Он смотрит в окно. Автобус трогается. Москва медленно уходит назад: дома, фонари, люди с ёлками. Потом начинается шоссе. Снег усиливается. Дворники работают, как метроном.

Надя достаёт телефон. Мать снова звонит. Она сбрасывает. Пишет: «Работаю ночью. Не жди».

Ответ приходит сразу: «В каком доме?»

Надя смотрит на экран. Пальцы немеют. Она не говорила матери адреса. Она вообще не говорила, что едет за город.

Она печатает: «Почему ты спрашиваешь?»

Мать отвечает: «Потому что сегодня шестое».

Надя не понимает. Или понимает, но не хочет понимать. Она выключает телефон и кладёт его в сумку.

Автобус едет дальше. За окном темнеет. Лес подступает к дороге. Ветки стучат по крыше, как чьи-то пальцы.

Костя наклоняется к ней.

— Надя, — говорит он тихо. — Ты знаешь, что в вертепе бывает тринадцатая кукла?

— Нет.

— Вот и я не знал. До сегодняшнего дня.

Он открывает ящик с инструментами. Внутри, среди отвёрток и стамесок, лежит железная звезда. Маленькая, с ше-

стью лучами, потемневшая от времени.

— Это оттуда? — спрашивает Надя.

— Не знаю. Я нашёл её в ящике с реквизитом. Утром.

Надя берёт звезду. Она тёплая. Не как металл в холодном автобусе. Как будто её только что держали в руке.

— Положи обратно, — говорит Костя.

— Почему?

— Не знаю. Просто положи.

Надя кладёт звезду в ящик. Костя закрывает крышку. Автобус сворачивает с шоссе на узкую дорогу. Фары выхватывают из темноты снег, забор, ворота.

Ворота открываются сами.

За ними — дом. Большой, тёмный, с колоннами и высокими окнами. В одном окне на втором этаже горит свет. Там стоит девочка в белой шали и смотрит вниз.

Надя видит её всего секунду. Потом свет гаснет.

Автобус останавливается. Водитель выключает двигатель. Тишина становится такой полной, что Надя слышит, как снег падает на крышу.

— Приехали, — говорит Гриша. — Выходим.

Надя открывает дверь. Морозный воздух обжигает лицо. Она смотрит на дом. В тёмном окне на втором этаже — никого.

Но на снегу под окном уже стоят следы. Маленькие, аккуратные, как у ребёнка. Они ведут от крыльца к воротам и обратно. И ни одного следа рядом.

Глава 2. Дом

Дом пахнет воском и хвоей. Ещё — старым деревом, которое никогда не выветривается до конца, и чужим домом, в котором давно не было детей.

Надя входит последней. Половицы под её ботинками скрипят так громко, что она невольно идёт на носках. В прихожей горит люстра из кованого железа. На стенах — картины в тёмных рамах. На вешалке висит шуба, пахнущая духами. Полина, невысокая женщина в сером платье, принимает у гостей пальто и не смотрит им в глаза.

— Проходите в зал, — говорит она. — Аркадий Львович ждёт.

Гриша идёт первым. Он распрямляет плечи, как перед выходом на сцену. Марк снимает шапку и приглаживает волосы. Алина достаёт телефон, проверяет сигнал и хмурится.

— Связи нет, — говорит она.

— Это за городом, — отвечает Полина. — Здесь плохо ловит.

— Совсем нет.

— Совсем.

Алина смотрит на неё, но Полина уже отвернулась.

Зал оказывается больше, чем Надя ожидала. Двухсветный, с высоким потолком и балконом на втором этаже. В центре — ёлка, огромная, до потолка, украшенная стеклян-

ными шарами и свечами. Свечи настоящие. Они горят, и воск капает на ветки.

У дальней стены стоит сцена. Небольшая, деревянная, с бархатным занавесом. Перед сценой — длинный стол, накрытый белой скатертью. На столе — блюда, приборы, свечи. Всё как в старом доме, где ждут гостей.

Рядом со сценой, на низком столике, лежит что-то большое, накрытое тёмной тканью. Надя сразу смотрит туда. Она не знает почему. Может, потому что ткань слишком аккуратно подобрана по углам. Может, потому что под ней угадывается ящик с двумя ярусами.

— Добрый вечер.

Аркадий Савельев выходит из боковой двери. Ему лет пятьдесят пять. Седая борода, очки в тонкой оправе, тёмный свитер. Он похож на университетского профессора, а не на человека, который купил вертеп на аукционе. Улыбается он так, будто извиняется за то, что богат.

— Спасибо, что согласились, — говорит он. — Для меня это много значит.

— Для нас тоже, — отвечает Гриша. — Спасибо за приглашение.

Аркадий кивает. Потом его взгляд переходит на Надю. Он задерживается на секунду дольше, чем нужно.

— Надежда Ильинична?

— Надя, — говорит она.

— Надя, — повторяет он. — Красивое имя. Надежда.

— Спасибо.

— Вы похожи на отца.

В зале становится тише. Или это только кажется. Надя чувствует, как у неё холодеют пальцы.

— Вы знали моего отца?

— Я знал его работы, — говорит Аркадий мягко. — Он был замечательный художник.

— Он был театральный художник, — говорит Надя. — Не уверена, что вы могли видеть его работы.

— В театре всё видно, — отвечает он. — Даже то, чего не хотят показывать.

Гриша кашляет.

— Мы можем посмотреть вертеп? — спрашивает он. — Чтобы понять, с чем работаем.

— Конечно.

Аркадий подходит к столику. Берётся за ткань. На секунду замирает.

— Только одно условие, — говорит он. — После полуночи не играть. Это семейная традиция. Вертеп должен спать.

— А если он не захочет? — спрашивает Марк.

Аркадий не улыбается.

— Он всегда хочет, — говорит он. — В этом проблема.

Он снимает ткань.

Надя видит деревянный ящик. Высокий, как небольшая ширма, с двумя ярусами. Верхний ярус — пещера, вырезанная из дерева: ясли, фигурки Марии и Иосифа, ангел с одним

крылом, пастухи. Нижний — дворец Ирода: трон, ступени, солдаты с копьями. Всё покрыто тёмным лаком и позолотой, которая облупилась по краям. Над верхним ярусом — железный стержень. Звезды на нём нет. Только тёмное пятно на дереве, как будто звезду сняли.

— Восемнадцатый век, — говорит Аркадий. — По крайней мере, так сказали на аукционе.

— А куклы? — спрашивает Костя.

— В ящике.

Аркадий открывает боковую дверцу. Внутри — бархатный поднос с углублениями. В углублениях лежат куклы. Двенадцать штук. Надя считает автоматически, как учили в детстве: раз, два, три...

Мария. Иосиф. Младенец. Ангел. Два пастуха. Три волхва. Ирод. Смерть. Двенадцать.

— А звезда? — спрашивает Алина.

— Звезда — не кукла, — говорит Аркадий. — Она наверху. Должна быть.

Куклы красивые. Слишком красивые для игрушек. У них тонкие лица, деревянные пальцы, настоящие волосы. У Марии — тёмная коса. У Ирода — корона из жести. У Смерти — коса, сделанная из проволоки, и белая рубаха до пола.

Надя берёт Марию. Кукла тяжелее, чем кажется. Дерево тёплое, как живое. На спине — маленькая железная скоба с крючком. Куклу вешают на палец и водят по сцене.

— Осторожно, — говорит Аркадий. — Они хрупкие.

— Кто их делал? — спрашивает Костя.

— Мастер неизвестен. На аукционе сказали — работа заключённого. Скорее всего, легенда.

Надя смотрит на куклу. На внутренней стороне её деревянной рубахи что-то вырезано. Мелкие буквы. Она подносит куклу ближе к свече.

«Мира».

— Что там? — спрашивает Гриша.

Надя не успевает ответить. Сверху раздаётся голос:

— Это моя.

Все поднимают головы.

На балконе стоит девочка. Лет девяти. Бледная, тонкая, в белой шали поверх пижамы. Волосы тёмные, коротко остриженные. Она смотрит не на мать, не на отца, а на Надю.

— Лиза, — говорит Вера. — Ты должна спать.

— Я не сплю, — отвечает девочка. — Она сказала, что приедет.

В зале становится очень тихо. Одна свеча на ёлке гаснет.

— Кто сказал? — спрашивает Надя.

Лиза не отвечает. Она смотрит на куклу в руках Нади. Потом на ящик. Потом снова на Надю.

— Ты её уже держишь, — говорит она. — Значит, всё правильно.

Вера подходит к лестнице.

— Лиза, идём.

— Я хочу посмотреть.

— Завтра посмотришь.

— Завтра не будет.

Вера берёт её за руку. Девочка не сопротивляется. Она идёт за матерью по лестнице, но у двери оборачивается. Её лицо спокойное, как у человека, который давно всё решил.

— Только не называй её по имени, — говорит Лиза. — Она придёт.

Дверь закрывается. В зале остаётся запах лекарства и детского шампуня.

Аркадий снимает очки. Протирает их платком. У него дрожат руки.

— Простите, — говорит он. — Она много говорит в последнее время.

— Что с ней? — спрашивает Надя.

— Апластическая анемия, — говорит Вера, вернувшись. — Тяжёлая. Три года. Мы перепробовали всё.

— Почти всё, — поправляет Аркадий.

Вера смотрит на него. Он замолкает.

— Мы позвали вас не для того, чтобы объяснять, — говорит она. — Мы позвали вас играть. Это её единственный праздник.

Гриша кивает. Он уже забыл про правила. Он видит только сцену, свет, деньги.

— Мы сыграем, — говорит он. — Всё будет хорошо.

Надя опускает Марию в ящик. Кукла ложится на бархат. На секунду ей кажется, что дерево под её пальцами вздыхает.

— Мы можем увидеть комнаты? — спрашивает она.

— Полина проводит, — говорит Аркадий. — Ужин в восемь. Представление в четверть двенадцатого.

Полина ведёт их по лестнице. Коридор длинный, с ковровой дорожкой и портретами. На стенах — люди в старых костюмах. У одного из них, молодого мужчины с усами, лицо вырезано из фотографии и заменено белым пятном.

— Кто это? — спрашивает Марк.

— Не знаю, — говорит Полина. — Так было.

Она открывает дверь. Комната Нади — в конце коридора. Небольшая, с железной кроватью, письменным столом и окном во двор. На стене — детский рисунок. Дом, ёлка, девочка в белом платье. Над девочкой — красная звезда. В углу рисунка подпись: «Лиза, 6 лет».

— Это её комната? — спрашивает Надя.

— Была, — говорит Полина. — Теперь она в другой. Вы будете тут.

Она кладёт ключ на стол. У двери оборачивается.

— Надежда.

— Да?

— Если ночью услышите, что стучат, — не отвечайте.

— Кто может стучать? Это же второй этаж.

Полина смотрит на неё.

— Не отвечайте, — повторяет она. — Стучат не в дверь.

Она уходит. Шаги затихают. Надя остаётся одна.

Она подходит к окну. Двор засыпан снегом. Внизу, у во-

рот, стоит микроавтобус. Водитель не вышел. В свете фар крутится снег. За воротами — лес, чёрный и густой.

Надя открывает сумку. Достаёт фотографию отца. Кладёт на стол. Мужчина в очках смотрит чуть в сторону.

— Что ты сказал бы сейчас? — спрашивает она.

Портрет не отвечает. За окном снег становится сильнее. Ветер бьёт в стекло. Один раз. Два. Три.

Потом в коридоре раздаётся звук. Тихий, ритмичный. Как будто кто-то ведёт палкой по стене. Или как будто кукла идёт по ковру, переставляя деревянные ноги.

Надя подходит к двери. Прислушивается. Звук удаляется. В конце коридора скрипит дверь.

Она возвращается к столу. Берёт фотографию. Смотрит на отца. Потом на рисунок на стене. Девочка в белом платье. Красная звезда. И дом, в котором они сейчас находятся.

На рисунке в окне дома горит свет. В настоящем доме окно её комнаты тёмное.

Надя задёргивает штору. Но перед этим видит в стекле отражение. За её спиной, в углу комнаты, стоит маленькая фигура. В белой шали. Без лица.

Она оборачивается. В углу никого.

На столе лежит фотография отца. Лицом вниз.

Глава 3. Верхняя сцена

Ужин проходит быстро и вежливо. На столе — заливное, утка с яблоками, салат, который никто не ест. Аркадий говорит о погоде, о коллекции, о том, как трудно сохранить старый дом. Вера улыбается и следит, чтобы у гостей было вино. Лиза не спускается.

Надя почти не ест. Она смотрит на вертеп. Он стоит у сцены, освещённый свечами, и кажется, что тени внутри ящика двигаются сами по себе.

После ужина Гриша хлопает в ладоши.

— Господа, у нас два часа. Давайте репетировать.

Он распределяет роли. Надя — Мария. Алина — Звезда и Смерть. Марк — Ирод. Костя — механизм и куклы. Гриша — чтец: он будет говорить текст, пока актёры водят кукол. Так делали в старину: вертеп не любит тишины.

Сцена маленькая. За ней — ширма, за ширмой — стол, на котором лежат куклы. Надя надевает чёрное платье. Оно пахнет чужим гардеробом — лавандой и пылью. Алина крутится перед зеркалом, поправляет красную ленту в волосах.

— Я играю Смерть, — говорит она. — Это карма.

— Это роль, — отвечает Надя.

— Одно и то же.

Марк надевает корону Ирода. Корона ему идёт. Он смотрится в тёмное стекло окна, как в зеркало.

— Я всегда знал, что буду царём, — говорит он.

— Ты играешь царя, который боится ребёнка, — говорит Надя.

— Это делает меня сложнее.

Гриша садится сбоку с тетрадью. Он кашляет.

— Начинаем. Верхняя сцена. Выход Марии.

Надя берёт Марию за крючок. Кукла висит на её пальце, как маленький человек. Деревянные ноги касаются сцены. Надя делает шаг. Кукла идёт. Она не хочет идти, но идёт.

— «И было в те дни, — читает Гриша, — вышло повеление от кесаря Августа сделать перепись по всей земле...»

Голос у него становится другим. Ниже, медленнее. Как у чтеца в церкви.

Надя ведёт Марию через сцену. За ней идёт Иосиф. Марк управляет им неумело; Иосиф спотыкается, клюёт носом. Алина поднимает Звезду на длинной палке. Звезда вращается. Свечи отражаются в её лучах.

— «И родила сына своего первенца, и спеленала его, и положила в ясли...»

Костя опускает в ясли маленькую фигурку. Младенец белёный, с закрытыми глазами. Надя смотрит на него и чувствует, как что-то сжимается в груди. Она не любит детей. Она не знает, как с ними разговаривать. Но этот деревянный ребёнок почему-то кажется ей настоящим.

— «И пастухи были в поле...»

Два пастуха выходят на сцену. Один из них падает. Костя

чертыхается.

— Он сломан, — говорит он. — Нога.

— Почини, — говорит Гриша.

— Я не могу. Это не моя работа.

— Теперь твоя.

Костя уносит пастуха за ширму. Надя продолжает водить Марию. Кукла тяжелеет. Или это устаёт рука.

Она смотрит на нижний ярус. Там темно. Трон Ирода, солдаты, Смерть. Пока пусто. Но в глубине, за троном, что-то есть. Тень. Маленькая, сгорбленная. Как будто кто-то сидит на корточках и ждёт.

— Надя, — говорит Гриша. — Не отвлекайся.

— Там кто-то есть.

— Там куклы.

— За троном.

Костя подходит. Смотрит в нижний ярус. Достаёт фонарик. Свет скользит по дереву. За троном — пусто. Только паутина и старая позолота.

— Никого, — говорит он.

— Я видела.

— Это вертеп, — говорит Костя тихо. — Он всегда показывает то, чего нет.

Он говорит это так, будто знает. Надя смотрит на него.

— Ты что-то не говоришь.

— Я говорю всё, что знаю.

— Тогда почему у тебя руки трясутся?

Костя прячет руки в карманы.

— Холодно.

Верхняя сцена заканчивается. Ангел поднимается наверх, Звезда останавливается над яслями. Гриша закрывает тетрадь.

— Хорошо. Теперь нижняя. Ирод.

Марк выходит вперёд. Он ведёт Ирода одной рукой, как кукловод. Кукла тяжёлая. Марк держит её на весу, и его рука дрожит.

— «Ирод, увидев, что осмеян мудрецами, разгневался...»

Алина поднимает Смерть. Кукла в белой рубахе висит на палке. Её коса качается. Свечи гаснут одна за другой. В зале становится темнее.

— «...и послал убить всех младенцев...»

Надя стоит за ширмой. Она видит, как Ирод поднимает руку. Как солдаты наклоняют копья. Как Смерть идёт по сцене, и её деревянные ноги стучат по полу. Тук. Тук. Тук.

Звук становится громче. Надя понимает, что это не кукла. Это кто-то идёт по коридору. Медленно. Ритмично. Тук. Тук. Тук.

Она выглядывает из-за ширмы. В зале никого. Аркадий стоит у окна, спиной ко всем. Вера сидит в кресле, сложив руки. Полина накрывает на стол.

— Надя, — шипит Гриша. — Ты куда?

— Тихо.

Она выходит из-за ширмы. Идёт к двери. Коридор пуст.

Свечи в канделябрах горят ровно. На ковре — следы. Маленькие, мокрые. Как будто ребёнок прошёл по снегу и не вытер ноги.

Следы ведут к лестнице. Надя поднимается. Наверху — тот же коридор, что и раньше. Портреты. Двери. Тишина.

Она доходит до комнаты Лизы. Дверь приоткрыта. Внутри горит ночник. Лиза сидит на кровати, обхватив колени. Она смотрит не на Надю, а в угол.

— Лиза?

Девочка поднимает голову.

— Ты её видела?

— Кого?

— Сестру.

Надя заходит в комнату. В углу, у шкафа, стоит маленькая кукла. Та самая. Белая шаль. Тёмное платье. Гладкое лицо без краски. В руке — деревянная звезда.

— Откуда она у тебя?

— Она всегда здесь, — говорит Лиза. — Только взрослые не видят.

Надя делает шаг к кукле. Кукла не двигается. Но её голова повёрнута к Наде. Хотя секунду назад смотрела в стену.

— Не подходи, — говорит Лиза.

— Почему?

— Она тебя узнала.

Надя останавливается. В комнате холодно. Изо рта идёт пар.

— Как её зовут?

— Не знаю. Она не говорит.

— А ты как её зовёшь?

— Сестра.

Надя смотрит на куклу. Кукла смотрит на неё. Или кажется, что смотрит. Деревянные глаза — две тёмные впадины. В них ничего нет. И в то же время есть.

— Лиза, — говорит Надя. — Тебе не страшно?

— Страшно, — говорит девочка. — Но она не злая. Она хочет домой.

Надя оборачивается.

— Домой?

— Она говорит, что потерялась. Давно.

— Когда?

— Когда была маленькая.

Лиза ложится. Натягивает одеяло до подбородка.

— Ты её не называй, — говорит она. — Пока не узнаешь имя.

— Почему?

— Потому что если назовёшь, она заберёт тебя.

В коридоре раздаются шаги. Надя выходит. В дверях стоит Вера. Лицо у неё спокойное, но глаза — как у человека, который очень долго не спал.

— Что вы здесь делаете?

— Лиза звала.

— Лиза должна спать.

— Она не спит.

Вера смотрит мимо неё, в комнату. Куклы в углу уже нет. Только тень от шкафа.

— Идёмте, — говорит Вера. — Представление начинается.

Надя возвращается в зал. Костя встречает её за ширмой. Он бледный.

— Ты где была?

— Наверху.

— Надя, — говорит он тихо, — я открыл ящик.

— И?

— Там тринадцать крючков. Двенадцать кукол. И ещё один, пустой.

Он показывает ей поднос. В бархате — двенадцать углублений. Двенадцать кукол. Но справа, у самого края, есть ещё одно углубление. Пустое. И крючок над ним. Как будто куклу вынули.

— Где тринадцатая? — спрашивает Надя.

— В ящике, — говорит Костя. — Она всегда в ящике.

— Ты её видел?

Он не отвечает. За его спиной, в нижнем ярусе, что-то шевелится. Надя смотрит туда. За троном Ирода, в темноте, маленькая фигура в белой шали поднимает руку. Медленно. Как будто машет.

— Начинаем, — объявляет Гриша. — Господа, по местам.

Аркадий подходит к Наде. Он держит в руках маленькую

железную звезду. Ту самую, что была в ящике с инструментами у Кости.

— Это вам, — говорит он. — На счастье.

— У меня уже есть.

— Эта — другая.

Он вкладывает звезду ей в ладонь. Металл холодный. Но когда Надя сжимает пальцы, звезда становится тёплой.

— Откуда она?

Аркадий улыбается.

— Из вертепа, — говорит он. — Теперь она ваша.

Он отходит. Надя смотрит на звезду. На обратной стороне что-то выцарапано. Она подносит её к свече.

Две буквы.

«М». «И».

— Надя! — кричит Гриша. — Ты выходишь.

Она кладёт звезду в карман. Выходит на сцену. Свечи гаснут. Зал погружается в темноту.

Надя поднимает Марию. Кукла смотрит в зал. И в темноте, на балконе, она видит Лизу. Девочка стоит в белой шали и держит за руку кого-то маленького. Рядом с ней никого нет. Но тень на стене — двойная.

Глава 4. Тринадцатая

Представление начинается в четверть двенадцатого.

Гости сидят в первом ряду: Аркадий, Вера, Полина. Больше никого нет. На балконе — Лиза. Она в белой шали, поверх пижамы, и держит руки на перилах. Рядом с ней стоит пустое кресло.

Надя выходит на сцену. В зале темно. Свечи горят только у вертепа. Их свет выхватывает из темноты лица кукол: Мария, Иосиф, ангел с одним крылом.

Гриша начинает читать.

— «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле...»

Голос у него ровный, глубокий. Он читает так, как читали в церкви, — без пафоса, с длинными паузами. Надя ведёт Марию по сцене. Кукла идёт легко. Слишком легко. Как будто кто-то помогает.

— «И родила сына своего первенца...»

Костя опускает младенца в ясли. Алина поднимает Звезду. Свет свечей дрожит. Звезда вращается, и по стенам бегут тени.

Надя смотрит в зал. Аркадий сидит неподвижно. Вера держит платок. Полина стоит у двери, опустив голову. Лиза на балконе наклоняется вперёд.

— «И пастухи были в поле...»

Один пастух выходит. Второй остаётся за ширмой — сломанная нога. Костя держит его на весу, и пастух кивает в такт словам.

— «И ангел сказал им: не бойтесь...»

Алина поднимает ангела. Кукла висит на палке, крылья дрожат. Надя смотрит на её лицо. Ангел улыбается. Деревянная улыбка, вырезанная ножом.

Верхняя сцена заканчивается. Гриша закрывает тетрадь.

— Антракт, — говорит он тихо. — Пять минут.

Надя опускает Марию. Рука затекает. Она растирает пальцы. Алина подходит к ней.

— Ты видела? — спрашивает она.

— Что?

— В нижнем ярусе. За троном.

Надя смотрит на неё.

— Видела.

— Там кто-то есть, — говорит Алина. — Я слышала, как она дышит.

— Куклы не дышат.

— Эта дышит.

Алина берёт телефон. Свет экрана освещает её лицо. Она делает селфи на фоне вертепа, потом ещё одно. Надя хочет сказать ей, что хозяин просил не фотографировать, но не успевает.

— Алина, — говорит она. — Не надо.

— Что не надо?

— Фотографировать.

Алина закатывает глаза.

— Это же просто ящик.

Она отходит к нижнему ярусу. Надя идёт за ней. В зале никого, кроме Полины. Аркадий и Вера вышли. Гриша пьёт воду. Марк поправляет корону.

Алина наклоняется к нижнему ярусу. Там темно. Трон Ирода, солдаты, Смерть. За троном — узкая щель. Алина проводит рукой по дереву. Её пальцы находят что-то.

— Тут дверца, — говорит она.

— Не открывай.

— Почему?

— Костя сказал, там пустой крючок.

— Значит, там что-то было.

Алина нажимает. Дерево щёлкает. За троном открывается маленькая дверца, почти незаметная. Внутри — бархат. На бархате лежит кукла.

Надя видит белую шаль. Тёмное платье. Гладкое лицо. В руке — деревянная звезда. Кукла маленькая, меньше остальных. Она лежит на спине, глаза открыты.

— Ого, — говорит Алина. — Тринадцатая.

— Не трогай.

— Да ладно. Смотри, какая страшная.

Она берёт куклу за руку. Дерево тёплое. Алина подносит её к свету. На ноге куклы болтается картонная бирка.

— Тут написано, — говорит она. — «Мира».

Надя слышит, как в зале гаснет одна свеча. Потом вторая.

— Алина, положи её.

— Подожди.

— Положи.

Алина поворачивает куклу. Кукла смотрит на Надю. Две тёмные впадины. В них отражается пламя свечи.

— «Мира», — читает Алина. — Странное имя. Как из детской книжки.

Свет гаснет полностью.

В темноте что-то падает. Дерево. Потом стекло. Потом тишина.

— Алина? — зовёт Надя.

Никто не отвечает.

— Алина!

Где-то в глубине дома играет музыка. Тихая, дребезжащая. Как будто кто-то завёл шкатулку и не может остановить.

Надя идёт на звук. Натыкается на сцену. Натыкается на стол. Свечи погасли. Только в углу горит одна, чудом уцелевшая. Она освещает нижний ярус.

Дверца открыта. Бархат пуст.

Куклы нет.

Надя смотрит на пол. На ковре лежит красная лента. Та, что была в волосах Алины. Рядом — телефон. Экран горит. На нём — видео. Алина снимала себя. На видео она подносит куклу к лицу и улыбается.

Потом изображение дёргается. В кадре появляется что-то

белое. Шаль. Маленькая рука.

И голос. Не Алинин. Детский.

— Спасибо.

Надя роняет телефон. Он падает экраном вниз.

Свет включается.

В зале стоят Аркадий, Вера, Гриша, Марк, Костя. Полина держит свечу. Все смотрят на Надю.

— Что случилось? — спрашивает Аркадий.

— Алина, — говорит Надя. — Она исчезла.

Вера подходит к нижнему ярусу. Смотрит внутрь. Её лицо не меняется.

— Дверь была заперта? — спрашивает она.

— Нет.

— Значит, она вышла.

— Куда?

— На улицу. В снег. Может, пошла к машине.

Надя смотрит на неё. Вера говорит спокойно. Слишком спокойно.

— Она не могла выйти, — говорит Надя. — Свет погас на десять секунд.

— Десять секунд — это много, — говорит Аркадий. — Если знать, куда идти.

Костя подходит к вертепу. Заглядывает в нижний ярус. Потом отступает.

— Надя, — говорит он.

— Что?

— Иди сюда.

Она подходит. В нижнем ярусе, на троне Ирода, сидит кукла. Не Ирод. Маленькая. В белой шали. В тёмном платье. С деревянной звездой в руке.

А на её деревянной шее повязана красная лента.

— Это её лента, — говорит Надя.

— Да, — говорит Костя.

— Где Алина?

Костя не отвечает. Он смотрит на куклу. Кукла смотрит на него. Или кажется, что смотрит.

— Надо вызвать полицию, — говорит Марк.

— Связи нет, — говорит Полина.

— Есть стационарный телефон.

— Он не работает.

— Тогда машина. Мы уедем.

Аркадий качает головой.

— Дорогу замело. Я звонил в деревню, пока был сигнал. Трактор приедет только утром.

— Утром? — говорит Гриша. — Мы не можем ждать до утра.

— Можем, — говорит Аркадий. — И будем.

Он подходит к Наде. В руке у него телефон Алины. Он переворачивает его, смотрит на экран. Видео уже остановилось. На последнем кадре — белая шаль.

— Надежда, — говорит он тихо. — Вы видели, что она читала?

— Да.

— Что именно?

— Имя.

Аркадий закрывает глаза. На секунду его лицо теряет всю вежливость. Под ним — страх. Старый, глубокий, как трещина в стене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.